

Наталья ЗОРКАЯ

Проблемы **повседневной** жизни семьи

"Бедность" как фокус восприятия повседневных проблем

Моя мысль — что он хочет... стать
Ротшильдом, или вроде того, и
удалиться в свое величие.

Ф.М.Достоевский. "Подросток"

Среди проблем, которые больше всего осложняют повседневную жизнь семьи, главными для респондентов были и остаются проблемы материальные (табл. 1).

Устойчивое лидерство этой темы, имеющей свой "событийный" ряд — дефицит, рост цен, низкие доходы, нехватка денег, свидетельствует не только о реальной бедности значительной части населения, но и о сохраняющемся (или растущем?) разрыве между ожиданиями и притязаниями людей на определенный материальный статус и положение и тем, что они реально имеют и умеют, чему научились и что делают, чтобы перестать быть бедными.

Принудительная адаптация и ее цена: феномены самооправдания и переноса. Как хорошо известно читателям "Мониторинга", на протяжении 1990-х годов в среднем практически не

менялась доля людей, имеющих дополнительные к основной работе заработки (в среднем около 10% респондентов), стабильное большинство составляют люди, предпочитающие иметь пусть небольшой, но гарантированный доход, фактически не меняется и доля тех, кто предпочел бы "много работать и хорошо зарабатывать" (28%, 2001 г., N=2400 человек). Отсутствие на более или менее массовом уровне ростков рационализации этой проблемы — от умения довольствоваться малым до умения становиться богатым — в контексте жизни семьи, когда проблема личной ответственности актуализуется особенно явно, как представляется, указывает на преимущественно аффективный характер оценок этой проблемы со всеми вытекающими из этого комплексами настроений, психологических характеристик поведения. По сути, "бедность" и не выступает здесь как проблема, поскольку у

Таблица 1

ЧТО В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ БОЛЬШЕ ВСЕГО ОСЛОЖНЯЕТ ЖИЗНЬ ВАШЕЙ СЕМЬИ?

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1994 г.	1995 г.	1997 г.	2001 г.	2002 г.
Низкие доходы, нехватка денег	68	69	72	71	72
Плохое здоровье, трудности с лечением	27	29	30	34	35
Бытовые трудности	21	21	19	21	20
Плохое жилье	16	15	10	10	15
Опасения потерять работу	24	20	19	11	15
Усталость, переутомление	17	18	16	14	13
Безысходность, отсутствие перспектив	22	25	24	14	13
Невозможность дать детям хорошее образование	9	10	9	10	10
Недостаток свободного времени	11	10	9	9	9
Пьянство, наркомания в семье	6	6	4	3	4
Плохие отношения в семье	4	5	3	2	3
Число опрошенных	3000	2400	2400	2400	2100

нее как бы и нет решения на индивидуальном уровне, так как ответственность за нее систематически перекладывается либо на обобщенного "другого" — будь то власть, правительство, государство, реформаторы и прочее, либо на сложившиеся жизненные обстоятельства и близких (не повезло, виноваты другие — родители, муж, дети и пр.). Груз этой раздражающей, угнетающей человека проблемы оборачивается весьма характерными настроениями, устойчивыми страхами и невротическими комплексами. В ответах на вопрос: "Когда Вы думаете о ближайшем будущем, чего Вы больше всего боитесь?" (Мониторинг, май 1994 г.) относительное большинство респондентов (43%) называли "нищету", далее более трети опрошенных упоминали "болезни" (36%), "несчастный случай с близкими" (35%) и безработицу (32%), а такие проблемы, как "одиночество" или "разлад в семье" упоминал лишь примерно каждый десятый опрошенный.

Мы знаем, что, по крайней мере, с начала 1999 г. все оценочные показатели адаптации к переменам, экономическим, социальным, политическим, имеют позитивную динамику, тогда как на уровне поведения (например, усвоение и распространение новых образцов экономического поведения) и на ценностном уровне (принятие и распространение новых ценностных образцов — достижения, успеха, самостоятельности, самооценной и самостоятельной индивидуальности, социальной солидарности и пр.) заметных подвижек в представлениях и в повседневном поведении практически нет. Новые для постсоветского человека ценности и типы поведения, в первую очередь достижения и успеха, отличают прежде всего и почти только продвинутую молодежь, имеют преимущественно фазовый характер и реализуются в основном в сфере потребления как демонстрация достигнутого статуса. Для основной же массы характерно приспособление к сложным и непрозрачным для обывателя, но новым условиям, которое в основном оценивается как вынужденное, навязанное извне. Связанные с этой вынужденностью негативные эмоции, со временем загоняемые вглубь, и образуют латентный фон подтачивающего человека изнутри недовольства прежде всего окружающим миром и лишь затем уже, быть может, собой.

Особенно важным представляется при этом не только или не столько то, что реальные изменения в поведении, ориентации на успех и достижение и — что особенно важно в данном контексте — материальное благополучие или даже богатство наблюдаются, скорее всего, среди более молодых, а что само достижение или "другая" благополучная жизнь записываются обществом

за молодежью или "детьми". Возможность изменения жизни к лучшему переносится, таким образом, на ее "начало", когда такие жизненные ресурсы, как, скажем, здоровье и силы еще не "утрачены" со временем, тогда как все последующие фазы и циклы жизни заведомо оцениваются как скорее бесперспективные. Неизбежно возникающее вследствие такой картины "устройства мира" чувство несправедливости за свою напрасно потраченную молодость (и специфическая, почти идеологизированная, или мифологизированная ностальгия по ней) выражается, как можно видеть и по данным опросов, в обостренном достаточно негативном восприятии "молодежи" или "проблемы молодежи" ("молодежь стала хуже"), оценке отношений "молодых" и "пожилых" (или "остальных") как конфликтных и своего рода невротической фиксации на проблеме собственных детей и их будущего (особенно у образованной части населения, но не только).

Будущее своих детей как бы символически замещает, как правило, негативно оцениваемое собственное настоящее и будущее, несостоятельное, непрозрачное, закрытое, пустое (об этом речь еще пойдет ниже). Приведем сравнение данных о желаемом будущем детей, полученных на основе опросов, проведенных в 1990-е годы (табл. 2).

Таблица 2
ЧЕГО БЫ ВЫ ЖЕЛАЛИ ДЛЯ ВАШИХ ДЕТЕЙ И ВНУКОВ?
(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1994 г.	1997 г.
Всегда были здоровы	82	80
Всегда были счастливы	41	37
Были хорошими, честными людьми	38	36
Умели пробиваться в жизни, постоять за себя	30	30
Жили в материальном достатке	33	41
Нашли применение своим способностям	19	16
Достигли в жизни того, что не удалось их родителям	20	23
Число опрошенных	3000	2400

Хотя по двум замерам довольно трудно судить о тенденции, однако сравнение этих данных, позволяет выделить по меньшей мере два существенных момента. Во-первых, при всей человеческой понятности и традиционности чрезвычайно высок уровень озабоченности здоровьем

еще не выросших или еще молодых детей (только в группе до 29 лет этот показатель ниже среднего), сочетающийся, во-вторых, с набирающей "вес" темой достатка и снижением значимости личных достижений своего "продолжения" в будущем. Именно материальный достаток, а не самореализация, личные достижения своих детей в будущем как осмысленное продолжение себя в "потомках" выступают для "взрослых" в качестве важнейших ценностей.

В представлениях о желаемом будущем своих детей воспроизводятся прежде собственные установки, оценки и комплексы — в данном случае разрыв между желанным материальным достатком и снижающейся оценкой роли собственных способностей и возможностей к достижению, реализации своих целей и планов.

Показательны в этом отношении динамика и иерархия представлений о материальном благополучии, во многом, правда, заданные предлагаемой постановкой вопроса (табл. 3).

Так, наиболее значимым для большинства опрошенных признаком материального успеха, благополучия выступает возможность свободно, не считая каждую копейку, тратить деньги, что вообще-то противоречит требованиям рационального расчета, залога эффективного ведения финансовых дел, соответственно, их успешности, обретения желаемого богатства. В таком, с одной стороны, самоуничижительном представлении о благополучии, а с другой — какой-то подростковой мечте о свободе, которую якобы дают деньги, просматриваются прежде всего неудовлетворенные претензии и амбиции уставшего и деморализованного человека. "Бедность"

выступает здесь не как проблема, требующая решения, не как задача и вызов, а как главное переживание и объяснение всех бед и проблем. Возвращаясь к теме отношения к детям, переноса на их будущее своих нереализованных желаний, амбиций и комплексов, отметим, что на третьем месте среди признаков благополучия стоит возможность дать детям хорошее образование, в то время как в ответах на вопрос о проблемах, осложняющих жизнь семьи, она упоминается только каждым десятым из опрошенных (см. табл. 1). Понятно, что среди более молодых этот показатель будет выше, но нам важно, как эта проблема осознается и оценивается всеми возрастными, в том числе "бабушками и дедушками".

Если рассматривать проблему получения высшего образования детьми, о необходимости которой, по данным разных опросов, высказывается от 65 до 70% населения, в контексте представлений о благополучии и о желаемом будущем для своих детей, можно утверждать, как нам представляется, что для значительной части людей высшее образование и выступает прежде всего как некий гарант достатка, как средство достижения успеха, но не личностного, индивидуального, не самореализации, а именно успеха материального, материальной защищенности.

Так, в частности, на многочисленных материалах фокус-групп, прослеживается распространенность установки на получение высшего образования как на возможность доступа впоследствии к рабочим местам, возможно, совершенно не связанным с полученной специальностью, но приносящим высокий доход. Именно этот момент перевешивает все хорошо известные и широко

Таблица 3

ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО СИЛЬНЕЕ ВСЕГО СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ СЕГОДНЯ О МАТЕРИАЛЬНОМ УСПЕХЕ ЧЕЛОВЕКА?

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Хорошее питание	33	43	34
Хорошее жилье	42	43	46
Хорошая дача, загородный дом	7	9	11
Хороший автомобиль	13	14	22
Большие сбережения	24	25	27
Отдых за границей, путешествия	15	15	20
Модная одежда	4	4	5
Возможность дать детям хорошее образование	30	37	40
Свободное расходование денег, не считая каждую копейку	53	50	55
Ничего, кроме денег	6	11	3
Число опрошенных	2400	1700	3000

Таблица 4

ЕСЛИ БЫ В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ОКАЗАЛАСЬ КРУПНАЯ СУММА ДЕНЕГ, ТО КАК БЫ ВЫ, СКОРЕЕ ВСЕГО, ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАЛИ? (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Сберег бы на будущее	9	8	9	9	10	8
На текущие нужды	30	37	39	32	41	34
На покупку дорогих вещей	11	11	9	14	11	10
На покупку квартиры, собственного дома	21	24	25	28	19	24
На образование	4	8	7	9	11	11
На лечение	13	16	16	22	18	20
На отдых, развлечения, путешествия	7	8	8	9	4	6
На собственное дело, покупку акций	6	6	5	4	3	6
На покупку земли, дачи, садового домика	7	7	4	4	4	4
На покупку автомобиля	10	13	11	13	9	9
На другое	5	4	3	5	3	4
Затрудняюсь ответить	9	5	7	5	8	7
Число опрошенных	3000	2400	2400	2400	2400	2400

распространенные негативные оценки системы образования в целом, в первую очередь ее специфической постсоветской "договорной" коррумпированности, рост платного и вытеснение бесплатного обучения и прочее, притом, что само качество образования, в основном весьма далекое от совершенства, как правило, вообще не проблематизируется. Уровень удовлетворенности своим образованием у респондентов с высшим образованием очень высок (около 80%, по данным различных опросов, довольны своим образованием); вместе с тем для более старших возрастов, уже получивших высшее образование, достаточно характерно ощущение дефицита gratification, вознаграждения, но не символического, статусного, а прежде всего материального: так, если 62% опрошенных (1996 г.) полагают, что уровень образования, разумеется, высший, должен оказывать большое влияние на уровень заработка, то только 16% считают, что так и происходит в реальности. Причем поскольку для более старших возрастов полученное образование в значительной мере было связано и с последующей профессией, не получающей сегодня должного вознаграждения (например, в таких массовых профессиях, как врачи, учителя, инженеры и пр.), то применительно к своим детям и их будущему тема образования в значительной степени **инструментализируется**, замещаясь во многом проблемой обеспечения материального достатка в будущем.

Показательны в этом контексте и распределения данных по ответам на **прожективный** Вопрос, ответы на который приведены в таблице 4.

Отметим, что даже в такой **прожективной** форме ни одна из альтернатив, которая позволила бы изменить качество жизни, обрести новые перспективы — затраты на образование, повышение квалификации, собственное дело, возможность по-иному, наперекор привычке, провести свое время вне работы, отдохнуть — не привлекает особого внимания, не является значимой, и на первый план, опять же, выходят проблемы дефицита средств для достижения вполне определенных стандартов благополучия — квартира, дом, машина и прочее; отсутствует здесь и динамика.

"Бегство в болезнь". В течение последних, без малого десяти лет (ср. табл. 1) постепенно снижалась доля людей, воспринимавших свою жизнь как безысходную, лишённую перспектив; заметно снизились тревоги по поводу возможной потери работы (что косвенным образом указывает и на слабую **"затронутость"** респондентов структурными рыночными реформами, точнее, их пробуксовку, и на характер адаптации), несколько реже стали звучать жалобы на усталость и переутомление. Динамика показателей настроений, оптимизма в последние годы также позитивная. Обращает на себя внимание и постоянный рост доли людей, сетующих на плохое здоровье и трудности с лечением (при всей объективной значимости и достаточно традиционной "запущенности" этой сферы). Нам представляется, что тема плохого "здоровья", выделяемая респондентами в качестве проблемы, подобно опи-

санной выше "бедности", также выступает в этом контексте не только как реальная проблема, но и как приметная характеристика той части общества, вынужденная адаптация к переменам которой, будучи непродуктивной, не создающей условия для нового качества жизни индивида, переживается как болезненная, отнимающая силы и здоровье. Болезни, плохое здоровье выступают при этом для значительной части людей, как и бедность, в качестве доминирующего переживания и объяснения происходящего в их жизни, становясь фокусом восприятия реальности, а на личностном уровне — своего рода убежищем от проблем. Отсутствие сил и здоровья (напомним о "записанной" за "молодежь" сферой достижения и успеха) выступает как одна из главных причин неспособности к изменению, к действию. Так, по данным одного из опросов второй половины 1990-х годов, в качестве одного из основных препятствий, мешающих достижению успеха в работе, называлась позиция "нехватка молодости, сил, здоровья". Причем эта позиция выбиралась относительным большинством во всех возрастных группах, за исключением молодых высокообразованных респондентов (в среднем — 35%, в группе до 39 лет без высшего образования — 21%).

В целом относительное большинство опрошенных (46%, июль 1996 г.) оценивают свое здоровье как среднее (мы выбираем именно эту категорию ответов, чтобы снять естественные возрастные различия), причем даже среди самых молодых такую оценку дают около 33% этой группы, а среди молодых с высшим образованием — 47%. Не слишком отличаются от средних показателей и позитивные оценки своего здоровья у респондентов от 25 до 39 лет (хотя здесь выше среднего оценка "хорошее" — 37%, при средней — 24%). Своего рода "бегство в болезнь" сказывается, как нам представляется, в характерном для значительной части людей сочетании средней и низкой оценки своего состояния здоровья с отсутствием рационализации этой проблемы. Больше половины опрошенных заявляли, что сами могут " позаботиться о своем здоровье " (такое мнение полностью или скорее разделяют в этом же исследовании 63% опрошенных). Вместе с тем по ряду исследований, проведенных ВЦИОМ, известно, что уровень доверия к системе здравоохранения среди населения весьма низок (что, в частности, выразилось в свое время во всплеске интереса к нетрадиционной медицине), негативные ожидания в этой сфере имеют массовое распространение. Так что в значительной поддержке такой, на первый взгляд деятельной и рациональной по-

зиции просматривается аналогия с типичными настроениями многих лет, маскирующими чувство заброшенности и обиды на обобщенного другого; на прежнюю патерналистскую государственную систему социального обеспечения — это как бы перевернутое, негативное переживание прежней системы отношений. Ведь хотя большинство и утверждает, что в состоянии позаботиться о своем здоровье, лишь очень незначительная часть населения (не более одной десятой, причем это преимущественно как раз молодые, здоровые люди) реально занимаются своим здоровьем — будь то спорт, физкультура, режим, питание или чтение журналов, литературы о здоровье. Иными словами, и эта сфера, выдвигаемая респондентами как проблемная, не рационализируется, переживается аффективно и не переходит в план действия.

Семья и дети. В этом контексте ссылки на ухудшение самочувствия, рост проблем со здоровьем в сочетании с известной "внешней" нормализацией настроений предстает как форма некоей маскировки как личностных, так и внутрисемейных проблем, блокирующая их артикуляцию, осмысление и решение. В целом обращает на себя внимание, что только 3% опрошенных назвали в качестве проблемы, осложняющей жизнь семьи, "плохие отношения", и только 4% — "пьянство, наркоманию" в семье. И все это на фоне общей, разлитой несфокусированной тревожности, обращенных во вне страхов, досужих пересудов относительно распространения пьянства и наркомании, "проблем" подростков и молодежи, высокой обеспокоенности общим падением моральных устоев, ростом агрессии, насилия, разобщения, грубости и одичания нравов, в том числе и в среде подростков, и в семье, и пр. Можно с большей долей уверенности предполагать, что все эти проблемы, так или иначе затрагивающие людей и их семьи, как правило, вытесняются, не осознаются и не признаются, и как свои в том числе, а переносятся на разного типа "других".

По данным ряда опросов, именно семья как в узком, так и в более широком смысле ближнего круга родственников, является для подавляющего большинства основной ценностью — в мартовском опросе 2001 г. (N=1600 человек) на это указали 84% опрошенных (для сравнения — на индивидуальную свободу личности как основную для себя указали 40% опрошенных, на социальную справедливость — 42%, на ценности коллективизма — 16%). В опросе 1997 г. (N=1200 человек) 53% ответили, что для них очень важно проводить время с семьей, и еще

32%, что это для них довольно важно. В общении в свободное время также лидирует привычный ближний круг — своя семья, причем на первый план выходят дети и внуки, которые становятся, по-видимому, главным опосредующим звеном общения взрослых или уже выросших детей со своими собственными родителями, непосредственное общение с которыми привлекает лишь немногих.

*"Когда у Вас бывает свободное время, с кем Вы его охотнее всего **проводите?**" (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов, Мониторинг, 1994 г.):*

Вариант ответа	%
С детьми, внуками	41
С мужем, женой	36
С друзьями, подругами	27
Один/одна	11
С любимым человеком	10
С родителями	5
В новой, интересной компании	4
С кем придется	3

Вместе с тем подавляющее большинство опрошенных утверждают, что за последние пять лет отношения в большинстве семей ухудшились — так считали 70% опрошенных в 2000 г., 22% при этом затруднились дать ответ. Причем негативная оценка выше среднего именно в возрастных группах от 35 до 60 лет, где с высокой долей вероятности дети (маленькие или выросшие) живут с родителями.

Большинство же опрошенных в этом опросе оценивают отношения со своими собственными детьми как "теплые и доверительные" (46%) или "нормальные, спокойные" (48%), как "напряженные, конфликтные" (только 4%), а как "невыносимые, скандальные" (2%) — в группе от 18 до 24 лет — 9%! При этом более трети опрошенных полностью или скорее согласны с тем, что дети ограничивают свободу родителей, скорее или совершенно не согласны с этим 32%, остальные занимают промежуточную позицию.

Данные других опросов при этом позволяют говорить о том, что подростки "дети" (группа от 18 до 24 лет) значительно чаще, чем их "родители" оценивают отношения в семье как конфликтные (ср. табл. 1, с низкой значимостью плохих отношений в семье как проблемы). Так, по данным опроса, проведенного в феврале 2002 г., на вопрос о том, бывают ли в семье респондента конфликты и между кем они чаще всего случаются, более трети (37%) опрошенных в возрасте

до 24 лет отмечали, что конфликты в семье происходят между ними и их родителями, а в группе их условных "родителей" (респондентов 40-54 лет) этот вариант отмечался только в 17% (!) случаев. Относительное же большинство респондентов средних и зрелых возрастов называли в этом случае свою супружескую половину. Примерно такие же расхождения зафиксированы и в оценке частоты конфликтов и скандалов. Если среди молодых около трети говорили, что конфликты и скандалы в семье бывают почти каждый день, то в группе "родителей" так отвечал только примерно каждый десятый опрошенный.

Начиная с возраста примерно 25 лет, т.е. возраста, когда респондент уже отрывается от родительской семьи и с большой степенью вероятности имеет собственную семью, картина резко меняется: относительное большинство (от 46 до 51%) отвечают, что конфликты и скандалы в семье бывают "между мной и мужем/женой". То, что повзрослевшие дети значительно чаще своих родителей воспринимают свои отношения с ними как конфликтные, связано со своего рода продолжением или изживанием (через вытеснение в негативно оцененную "зону", перенос своей ответственности на другого, "бывшего" взрослого) прежних внутрисемейных ролевых конфликтов повзрослевшими (не в оценочном, а в буквальном смысле слова) детьми. Такая форма изживания — вытеснение не решенных раньше индивидуальных, внутрисемейных, межличностных и межпоколенческих проблем, не нашедших взаимного разрешения (соответственно, не приведших к взаимопониманию) — и существует как нескончаемые, готовые продолжиться в любой момент "конфликты", "скандалы", "склоки", в которых аффективное поведение только сигнализирует о болевых точках отношений или их фантомах, выступая чуть ли не единственной формой их проживания.

Одной из важнейших причин такого, вне всякого сомнения, широко распространенного типа внутрисемейных отношений (среди прочего, это подтверждается значительной популярностью появившихся в последнее время на телевидении так называемых скандальных семейных ток-шоу) является доминантный, с нашей точки зрения, советского типа семьи характер отношений "отцов" и детей", когда "ребенок", как правило, не воспринимаются родителями ни как партнер отношений, ни как личность со своим особым миром, ни даже как полноправная сторона конфликта.

Проблемы детей остаются для родителей, ориентированных не столько на диалог, сколько на подавление, подчинение более слабого и зависимого другого, неартикулированными, неав-

ными и непонятыми. В этом контексте в ином ракурсе высвечиваются растущие с возрастом у "родителей" чувства усталости, безразличия, апатии и раздражения, так называемой "раздражительной слабости", выплескивающейся, в частности, на "чужих", не своих "молодых". Больше половины опрошенных (58%, опрос 2000 г.) полагают, что отношения между старшим поколением и молодежью за последние 10–15 лет ухудшились; сами молодые думают так несколько реже — 40%, а самые пожилые чаще — 67%.

Но неосознанными, неотрефлексированными они остаются в значительной мере и для самих подрастающих и выросших детей, что с неизбежностью ведет к внешне немотивированному росту агрессии, различного рода срывам, депрессиям, неврозам, невнятной их томлению души, не находящей языка для своих переживаний (весьма показателен здесь пример из нашумевшего в свое время по совершенно незначимому и смехотворному поводу фильма "Маленькая Вера", показавший такие типичные, "немые" и внутренне конфликтные отношения отцов и детей, где только смерть отца, чуть не убившего по пьянке жениха своей дочери, пытавшейся покончить жизнь самоубийством, становится ответом на так и не заданные вопросы страшной тягучей спячки обычной, простой советской семьи, прозябающей на задворках великой и могучей родины).

Отношение в семье к детям именно подросткового возраста, возраста переходного, конфликтного — уже не детей и еще не взрослых, — судя по всему, и сегодня остается традиционно советским, авторитарным. Доминирующей реакцией "взрослых" на подростков, способом решения возникающих в отношениях проблем и конфликтов является установка на подавление, на подчинение, соответственно, подавление инициативы, на усиление контроля вплоть до тотального. Причем если главными носителями таких установок является большинство пожилых опрошенных, то обратный полюс представляют только недавние подростки (группа до 24 лет), а с возрастом, начиная примерно с 35 лет (а это и есть "родители подростков"), установки на контроль и подавление ребенка начинают расти.

Так, по данным 2000 г. (N=1800 человек), 66% опрошенных полагали, что подростки не имеют права противоречить родителям, 70% — спорить с учителями, 78% — отказываться выполнять распоряжения родителей. При этом более одной пятой считают, что подростка можно наказывать физически (причем "толерантность" к физическим наказаниям маленьких детей гораздо выше, что выпороть ребенка иногда нужно для "пользы

дела", считают 53%), примерно одна пятая (22%) — что родители имеют право просматривать личную переписку подростка, его вещи, содержимое карманов; более трети (36%) разделяли мнение, что родители могут ограничивать общение подростка с его друзьями и пр.

Единственный из предложенных в опросе вопросов, который был поддержан подавляющим большинством опрошенных, — это отношение к труду подростков за деньги (76% относятся к этому положительно, и еще 17% — скорее положительно). Отметим, что среди упомянутых объяснений пользы такого раннего труда на втором месте после возможности подростков самим заработать на собственные нужды (61%, причем значительно выше среднего такое объяснение дается самыми молодыми — 74%, а не условными "родителями"), половина опрошенных (51%) выбрала такой вариант — "это займет их время, они не будут болтаться без дела" (чаще среднего этот вариант упоминался женщинами и еще чаще в возрастных группах предполагаемых "родителей" и "бабушек и дедушек").

Поразительно устойчивыми на этом фоне оказываются оценки респондентами различных периодов жизни человека (табл. 5).

Таблица 5
КАКОЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА ЯВЛЯЕТСЯ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЛУЧШИМ? (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1991 г.	2000 г.
Детство	31	38
Подростковый возраст	6	7
Юность	35	34
Зрелый возраст	17	16
Старость	1	1
Затрудняюсь ответить	10	5
Число опрошенных	1500	1500

Весьма показательно, что "зрелый возраст", который разумеется "толерантнее" оценивается именно зрелыми и старшими возрастными группами, в среднем оценивается значительно ниже, чем юность и детство, негативный "провал" между которыми образует "подростковый возраст" (почти в два раза чаще лучшим периодом его назвали только самые молодые). Такая композиция оценок жизненных циклов человека делает еще более прозрачными не только смысловые формы внутрисемейных отношений, но и, по-видимому, относится к базовым социокультурным, антропологическим структурам общества, спосо-

бам его самопонимания, задающим смысловые рамки действия. Глядя глазами взрослого, пора детства, некоего бессознательного, беспроблемного и комфортного, уютного, защищенного периода жизни выступает здесь как компенсаторная мифологема личного прошлого. Следующая компенсаторная позитивная мифологема — юность, совпадающая с периодом интенсивной внесемейной социализационной фазы, нагруженной неопределенным ожиданием свободы и ценностными коннотатами силы, энергии, здоровья, будущего. Подростковый возраст при этом выступает как ценностный негатив, вытесненная травма, которая, не будучи проработана и осмыслена, продолжает явно и неявно работать на разрушение, блокировку развития субъективности, оборачиваясь в поведении инфантилизмом, незрелостью, слабостью, зависимостью, переносом собственных комплексов, негативных эмоций на "других".

Показательны здесь данные о сравнительной динамике собственного эмоционального самоощущения и оценок эмоционального состояния "обобщенных других", тех, с кем приходится сталкиваться и общаться в повседневной жизни. Так, если, говоря о себе, люди реже стали упоминать такие состояния и чувства, как усталость, безысходность, страх перед будущим и прочие, то в окружающей социальной среде все больше виден рост озлобленности, агрессивности, хамства и грубости, а также зависти, которая, будучи практически полностью вытеснена из самооценок, оказывается одним из наиболее значимых компонентов описания "других" в самых разных контекстах. Например, на протяжении ряда лет преобладающим остается согласие с такой оценкой поведения и установок "других", как зависть к частной собственности. Еще одним примером могут служить, правда, более давние данные об отрицательных качествах русского народа: так, от половины до трети опрошенных указывали на такие качества, как лень (54%), расточительность (40%), вороватость (40%), покорность (38%) и зависть (33%).

Хотя проблемы внутрисемейных отношений, как было показано выше, не расцениваются как то, что существенно осложняет жизнь семьи, процесс распада социальных связей, межпоколенческих конфликтов и разрывов, атомизации индивидов прослеживается и внутри семьи. Важно, что при этом речь не идет о росте сознания одиночества как неизбежной составляющей субъективности, как залога выработки качественно иных социальных, культурных смыслов и форм взаимодействия, а скорее о чувстве заброшенности, непонятости и собственной ненужности, невостребованности — будь то семья, работа, общество (табл. 6).

Таблица 6
КТО МОЖЕТ ЛУЧШЕ ВЫСЛУШАТЬ И ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОГДА У НЕГО ТЯЖЕЛО НА ДУШЕ?
(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1989 г.	1994 г.	1999 г.
Мать, отец	55	42	42
Жена, муж	36	38	30
Сын, дочь	16	12	10
Друг, подруга	17	22	27
Брат, сестра	11	8	10
Товарищи по работе	4	3	3
Другой человек в таком же положении	17	11	14
Случайный человек	3	5	6
Собака, кошка	2	4	6
Врач	3	2	1
Священник	3	5	3
Никто	4	4	4
Затрудняюсь ответить	5	7	7
Число опрошенных	1500	3000	2000

Здесь показательно не только снижение доли людей, упоминающих в качестве значимого "другого" ближайших родственников. Именно в отношении них и растет в первую очередь негативное ощущение непонятости, неопределенное, не получающее исполнения желание быть понятым и принятым, а значит, ценным без слов и объяснений — отраженная оценка своей абстрактной значительности, значимости, выступающей, по сути, пустой конструкцией ("Ну хоть душу-то ты мою любишь?!" из Вен. Ерофеева). Показательным представляется и рост на этом фоне роли близких друзей как значимого "другого", и то, что не меняется или даже растет доля упоминаний совершенно абстрактного, "чужого другого", а также бессловесных домочадцев — животных.

По данным ряда опросов, подавляющее большинство опрошенных предпочитают (или вынуждены, или привыкли) проводить свободное время с семьей. Причем на первый план и здесь, как уже упоминалось, выходят дети. При этом динамика данных за 1990-е годы показывает, что и интенсивность общения с детьми в семье ощутимо снизилась. Приведем сравнительные данные по опрошенным, в семьях которых есть дети до 15 лет, по двум точкам замера — середина 1990-х годов и начало 2000-х годов (табл. 7).

Таблица 7
КАК ЧАСТО ВЫ ЛИЧНО ЗАНИМАЕТЕСЬ С ДЕТЬМИ, ИГРАЕТЕ С НИМИ? (в % от общего числа опрошенных, имеющих в семье детей до 15 лет)

Вариант ответа	1994 г.	2002 г.
Ежедневно	65	54
2-3 раза в неделю	12	12
1 раз в неделю	5	6
1-3 раза в месяц	4	5
Реже	7	7
Практически никогда	7	14
Число опрошенных	1506	1800

И все же для подавляющего числа опрошенных большую радость доставляет именно общение в свободное время с детьми (хотя этот показатель и очень значительно сократился за десять лет), а не со взрослыми членами семьи, со своей "второй половиной" или даже друзьями (табл. 8).

Семья, досуг и достаток. В целом для большинства жителей России характерна очень малая подвижность, и связано это не только и не столько с материальными проблемами, так как многие "перемещения" и не требуют особых затрат, сколько со своего рода крепостной психологией. Подавляющее большинство россиян по тем или иным причинам проводят свои отпуска дома, да и вообще редко когда покидают места своего постоянного жительства. По данным 1997 г., за последние пять лет в туристические походы отправлялись всего 17% опрошенных, исторические места посетили 9%, в дальнем зарубежье побывали 4%, на морском курорте — 10% опрошенных. По данным 1999 г., за последние пять лет никуда не выезжали, оставались дома 45% опрошенных, навещали родственников — 35%, выезжали на дачу 23%, на российские и украинские курорты — 8%, в турпоходы по России отправлялись всего 3%, за рубеж — 3%.

Самый распространенный мотив для поездок — это посещение родственников. Поездки же за границу и путешествия, отмечаемые примерно одной пятой респондентов как признак материально успешной, благополучной жизни (см. табл. 3), предстают для людей как своего рода метафора другой жизни, возможность хотя бы на время уйти от привычных реальности и круга людей, освободиться от гнетущих отношений и связей. Как и мечта о богатстве, которое якобы открывает невероятные возможности и дает свободу, прежде всего от "других", так и мечта о

Таблица 8
ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ДОСТАВЛЯЕТ ВАМ САМУЮ БОЛЬШУЮ РАДОСТЬ, УДОВОЛЬСТВИЕ?*

(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году; сумма ответов больше 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов)

Вариант ответа	1989 г.	1999 г.
Заниматься с детьми	52	35
Получить хорошие деньги	19	33
Заниматься садом, огородом	24	28
Читать интересную книгу, журнал	35	26
Бродить по лесу	22	26
Смотреть телевизор	19	24
Вкусно поесть	15	23
Готовить что-то вкусное	19	20
Проводить время с мужем/женой	22	18
Заниматься любовью	9	18
Слушать музыку	20	18
Работать в полную силу	23	18
Мастерить, заниматься домашним хозяйством	21	17
Выпить в хорошей компании	9	14
Возиться с животными	10	13
Путешествовать	17	13
Рыбачить, охотиться	13	12
Собирать гостей	9	10
Побывать одному/одной	10	9
Учиться, узнавать новое	9	8
Заниматься спортом	9	5
Число опрошенных	1500	2000

* Данные ранжированы по 1999 г., выделены те позиции, где изменение не меньше 5%.

"загранице" (поездка, на которую так часто хотели бы потратить свои не выигранные миллионы азартные участники популярных телеигр) привлекает возможностью оказаться в совершенно чужой среде, среди "чужих других", вырваться из привычных связей и создать себе некое пространство свободы, возможно, даже игры.

Ближний круг. Чем же реально заполнено свободное время людей, как они проводят свой досуг, чем занимают себя в свободное от работы время? Начиная с 1990 г. респондентам каждые четыре года задавался блок вопросов на эту тему. Помимо таких обычных и неизбежных занятий,

как походы в магазины, а для тех, кто имеет приусадебное хозяйство, работы в саду или на огороде, основная масса опрошенных, кроме работы, достаточно регулярно покидает свой дом только для того, чтобы отправиться в гости к близким или друзьям (табл. 9).

Таблица 9

КАК ЧАСТО ВЫ ХОДИТЕ В ГОСТИ И ПРИНИМАЕТЕ ИХ У СЕБЯ? (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002 г.
Ежедневно	5	4	5	3
Не реже 1 раза в неделю	19	22	28	33
Не реже 1 раза в месяц	27	27	28	28
Несколько раз в год	44	36	28	24
Практически никогда	6	11	11	11
Число опрошенных	3000	1500	1800	1800

По данным последнего опроса 2002 г., примерно для одной трети опрошенных походы в гости и прием гостей у себя дома является постоянной составляющей их досуга. Отметим, что за эти годы росла доля людей (с 24% в 1990 г. до 36% в 2002 г.), общающихся весьма интенсивно (не реже раза в неделю), при том, что доля людей, отправляющихся в гости и принимающих их хотя бы раз в месяц (что можно уже в большей степени отнести к общению по "поводам" — праздники, дни рождения и пр.), оставалась стабильной, а доля людей, хотя бы несколько раз в год выбирающихся в гости или принимающих их у себя дома, сократилась почти в два раза (с 44% в 1990 г. до 24% в 2002 г.); при этом примерно каждый десятый опрошенный не делает этого многие последние годы никогда. Отметим, что этот показатель совпадает с долей людей, которые из опроса в опрос говорят о себе, что предпочитают проводить свободное время в одиночестве, что наибольшее удовольствие им доставляет пребывать в одиночестве. Но поскольку в данном случае этот показатель самый высокий (20-21%) среди пожилых и низкообразованных групп, то речь здесь, очевидно, прежде всего идет о людях с небольшими социальными и культурными ресурсами, бедными социальными связями, т.е. о людях, переживающих резкое сужение круга общения, жизненных горизонтов.

Динамика этих данных об общении с гостями и в гостях позволяет проследить некоторые важные тенденции в этой, столь типичной для советского и постсоветского не самостоятельного

и зависимого от "обобщенных других" — будь то семья, друзья, коллеги, начальники или власть, государство — человека, форме коллективности. В динамике наиболее явным дифференцирующим это поведение фактором является возраст, а затем тип поселения. Так, за 1990-е годы интенсивность частого общения такого типа, особенно характерная для самых молодых (до 24 лет), к 2002 г. значительно увеличилась: если в 1990 г. и 1994 г. хотя бы раз в неделю встречали гостей и ходили в гости соответственно 57 и 59% этой возрастной группы, а еще около 20% делали это не реже раза в месяц, то в 2002 г. эти показатели составили соответственно 71 и 17%. Такое поведение молодежи, недавних подростков, с одной стороны, имеет вполне обычный для этого возраста в целом и типичный для жизни как советской, так и постсоветской семьи характер. Молодые, в основной своей массе еще живущие с родителями, во многом зависящие от них материально, стремятся вырваться за пределы своего дома, уйти от конфликтов в семье, от напряжений и противоречий. Понятно, что такой тип поведения становится преобладающим, как только дети подрастают и становятся более или менее самостоятельными в своих "перемещениях", т.е. как раз с подросткового возраста и старше. Вместе с тем речь здесь идет о поведении продвинутой молодежи, которое представляет несколько иной тип общения и связан с усвоением западных образцов проведения свободного времени — посещение клубов, баров, дискотек, концертов и пр.

Значительно выросла интенсивность такого времяпрепровождения и среди 25-40-летних (причем она, в сравнении с другими возрастными группами, росла постоянно): в 1990 г. хотя бы раз в неделю были в гостях или общались с гостями 23% опрошенных, в 1994 г. — 28%, а не реже раза в месяц — еще около 30%, в 1998 г. — соответственно 38 и 32%, а в 2002 г. эти показатели выросли для данной группы уже соответственно до 47 и 32%.

Для людей в возрасте от 40 до 54 лет и еще в большей мере — старше 55 лет эти показатели менялись по-иному. К 1998 г. доля людей в возрасте 40-54 лет, значительная часть досуга которых посвящена гостям, выросла примерно до 25% (в 1990 г. — 13%), а доля тех, кто крайне редко проводит время таким образом, весьма заметно упала — с 56% в 1990 г. до 30% в опросе 2002 г. То же самое, только в количественно гораздо менее выраженной степени, можно сказать и о тех, кому больше 55 лет. Правда, именно в этой группе, в сравнении с замером 1990 г., до 20% выросла доля людей, полностью выпавших

из традиционного гостевого или застольного типа общения (в первом замере таких было 12%), и этот показатель остается практически неизменным (21-22%). Примечательно при этом, что в прежних замерах динамику этой группы значительно сильнее дифференцировал именно возрастной, а не образовательный фактор (по данным 1990 г., последний практически не дифференцировал поведение опрошенных), но в опросе 1994 г. респонденты с высшим образованием стали в целом чаще, чем прежде, и чаще других встречаться с гостями по несколько раз в месяц, а к опросу 1998 г. различия между группой опрошенных, имеющих высшее и среднее образование, начали стираться, почти исчезнув к 2002 г., группа же низкообразованных в динамике отличалась все большей маргинализацией.

Что касается уровня доходов, которые могли бы здесь, как кажется на первый взгляд, существенно дифференцировать данные опросов в их динамике, то главным здесь будет следующее: если, по данным опроса 1994 г., опрошенные из высокодоходной группы ходили в гости и принимали их хотя бы раз в неделю — ощутимо чаще других (36%, в среднем 26%), то в опросе 2002 г. этот показатель уже практически не отличается от средних по выборке значений, а внутри самой высокодоходной группы интенсивность приема и посещения гостей падает: согласно этим данным, примерно 40% людей с высокими доходами общаются с гостями 1–3 раза в месяц.

Если же рассматривать эти данные по типам поселения, то частое общение с гостями в "столицах" с годами оставалось примерно на уровне средних показателей, причем с некоторой тенденцией к снижению интенсивности в целом. И это на фоне того, что в больших городах еще ощутимее, чем в малых, а особенно в городах среднего размера, интенсивность рассматриваемого типа общения и проведения досуга выросла за последние годы очень значительно (табл. 10).

Отметим еще только, что среди жителей села на протяжении последних 12 лет около трети "ходят в гости и принимают их" не реже раза в неделю, но, в отличие от других типов поселения, здесь в три раза возросла доля тех, кто не делает этого никогда (с 6 до 18%), что косвенно указывает на маргинализацию деревни и разрушение традиционного образа жизни. Впрочем, и в малых городах эта доля выросла примерно в три раза, но на фоне увеличения доли людей, общающихся интенсивно.

Если подавляющее большинство опрошенных с годами все меньше проводят досуг за пределами своего дома, занимаются чем-то отличным от рутинных хлопот и забот (за исключени-

Таблица 10
КАК ЧАСТО ВЫ ХОДИТЕ В ГОСТИ И ПРИНИМАЕТЕ У СЕБЯ ГОСТЕЙ?*
(в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Тип поселения	Раз в неделю и чаще	Раз в месяц и чаще	Несколько раз в год	Никогда
Москва и Санкт-Петербург				
1994 г.	28	34	30	8
2002 г.	25	32	37	8
Большие города				
1994 г.	24	31	36	10
2002 г.	33	38	23	6
Средние города				
1994 г.	28	26	39	7
1998 г.	37	27	30	7
2002 г.	48	28	17	7
Малые города				
1990 г.	20	27	45	4
1994 г.	24	27	38	10
1998 г.	30	26	33	11
2002 г.	35	28	21	13

* Данные по селу не приводятся, так как понятие "досуг", "свободное время" связано прежде всего с городским образом жизни.

ем "гостей), то именно молодые горожане, в основной своей массе стремящиеся проводить свободное время вне дома, демонстрируют своим поведением хотя бы некоторую позитивную (в отличие от остальных возрастов) динамику в досуговом поведении. Так, среди них пусть и медленно и, конечно, прежде всего в крупных городах и столицах растет доля тех, кто хотя бы время от времени ходит в кафе, рестораны и бары, посещает концерты, выставки и театры и, конечно, чаще всего кинотеатры.

При этом, как известно, именно молодые горожане имеют более высокий доход и не обременены семьей. Так что, казалось бы, скорее, чем "все прочие", они могут позволить себе по своему желанию и усмотрению распоряжаться деньгами и временем. Но речь в первую очередь идет не столько о значительно больших социальных ограничениях для "старших", связанных с материальными заботами и материальной ответственностью за семью, сколько о формировании новых образов жизни особенно среди молодых горожан и о резком сужении "жизненных горизонтов", обеднении повседневного уклада ос-

Таблица 11
ПОСЕЩЕНИЕ КИНОТЕАТРОВ
 (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002 г.
Не реже 1 раза в неделю	11	3	1	3
Не реже 1 раза в месяц	21	8	3	4
Несколько раз в год	41	28	14	13
Практически никогда	27	61	82	80

тальных групп даже в сравнении с доперестроенными временами, тем более с периодом первых лет перемен, о своего рода разложении так или иначе сложившегося в советские времена городского образа жизни. Весьма показательны здесь, например, данные о динамике посещения кинотеатров (при всех оговорках о разрушении советской системы проката), театров (существовавших, как известно, в каждом административном центре и в основном продолжающих работать) и концертов (табл. 11).

Если в 1990 г. никогда не ходили в кино подавляющее большинство пожилых людей (62%), половина низкообразованных (51%), то к 2002 г. эти группы вообще практически полностью перестали посещать кинотеатры, а значительно ниже среднего этот показатель только у самых молодых (55%, причем он, по сравнению с 1998 г., сократился на 11%) и среди людей с высшим образованием (с 1994 г. этот показатель колеблется между 52 и 55%, тогда как в 1990 г. никогда не ходил в кино только каждый десятый респондент с высшим образованием). Основным мотивом отказа от посещения кино выступает дороговизна билетов, но вместе с тем за последние годы постоянно росла доля владельцев видеомагнитофонов — более 40% опрошенных в настоящий момент, а цена видеокассеты (во всяком случае нелегальной) ненамного ниже цены билета в средний обычный кинотеатр. Оставляя здесь за скобками более подробный анализ ситуации на кино- и видеорынке, отметим только, что потребление кинопродукции также все больше становится домашним, а следовательно, в значительной мере и семейным (о роли телевидения в этом контексте — разговор отдельный).

Если в случае с кино мы в значительной мере должны учитывать структурные перемены в области кинопроизводства и проката, а также появление прямого конкурента — видеопроизводства, то в случае с театрами и, с более значительными оговорками, концертами, ситуация представляется качественно иной. Тем не менее динамика данных по этому типу проведения свободного времени очень сходная (табл. 12).

Таблица 12
ПОСЕЩЕНИЕ ТЕАТРОВ, КОНЦЕРТОВ
 (в % от общего числа опрошенных в соответствующем году)

Вариант ответа	1990 г.	1994 г.	1998 г.	2002 г.
Не реже 1 раза в месяц	8	5	5	6
Несколько раз в год	48	24	19	18
Практически никогда	43	71	75	73

Обобщая приведенные данные, отметим, что, наряду с явной тенденцией к сужению разнообразия форм и типов досуга вне дома, почти тотальном "одомашнивании" повседневной жизни на фоне реального, а не декларируемого ослабления роли семьи, заметно обедняется и повседневный уклад жизни, сужается разнообразие даже собственно домашних занятий. Так, за минувшие годы прослеживается общая тенденция к снижению интенсивности занятий дома каким-либо хобби (например, фотографией, музицированием), растет доля тех, кто никогда ничего не мастерит дома (56% в 2002 г.), не играет в какие-либо игры (60% в 2002 г.), не делает зарядку или гимнастику и пр. Иными словами, хотя все больше людей предпочитают (или считают, что вынуждены) проводить свое свободное от работы время дома, интенсивность как возможных общих, семейных, так и личных домашних занятий снижается, а их разнообразие сокращается. На этом фоне такие традиционные для советских времен формы времяпрепровождения, как застолье, прием гостей и походы в гости, остающиеся наиболее массовыми среди рассмотренных нами выше, в еще большей мере предстает бегством в привычное, "новое старое", когда люди отворачиваются от актуальной современности, связанных с ней проблем и "вызовов".

"Соблазн неведения"¹. Описанные выше механизмы вытеснения и переноса комплексов недовольства, нереализованных желаний и представлений, негативных эмоций и настроений, ощущаемых как проблемная, болевая зона, на "обобщенных других", так же, как сужение круга "значимых других" до семейного и ближайшего дружеского окружения, имеет свои серьезные последствия для характера и качества форм и типов социальности. Блокировка решения индивидуальных проблем через их перенос или проекцию на "другого" не позволяет индивиду освободиться от того, что его гнетет, беспокоит,

¹ Выражение заимствовано из повести венгерского писателя, лауреата Нобелевской премии за 2002 г. Имре Кертеса "Английский флаг".

огорчает и раздражает, и имеет своим следствием усиление или углубление "астенического синдрома", дальнейшую фрустрацию, выражающихся в утрате интереса ко всему, что сложно, что провоцирует на действие, требует усилия, угрожает обретенному "комфорту боли" и привычной слабости. Такие формы пассивной "работы" со своими проблемами блокируют и складывание новых форм социальности, сплочения, социальной солидарности, а значит, и гражданских форм существования общества. Вытесненные, перенесенные на "других" негативные эмоции, обиды, неудовольствие продолжают существовать у индивида в латентной, неявной форме, подтачивая его изнутри. Отсюда, если говорить о жизни общества, более понятными становятся всплески агрессии и толерантность к силе, к жесткости и жестокости со стороны государства в кризисные моменты, в случае экстремальных событий в жизни страны, например, в ситуации войны, в отношении к терактам и пр.

На уровне частной жизни это выражается в стремлении уйти от всего, что гнетет, требует ответа, укрыться в своем частном кругу, не знать и не ведать, что творится даже у того, кто рядом. При этом нежелание знать и разбираться в чем-то, что якобы выходит за рамки "обычных" проблем повседневной частной жизни, сочетается с повышенным тревожным вниманием ко всему экстраординарному, катастрофическому, стихийному, прежде табуированному, нарушающе-

му норму, в частности, криминальному. Именно на эти настроения преимущественно и работают сегодня масс-медиа. Так, анализ динамики круга зрительских интересов показывает, что единственная сфера, которая стала интересовать за последние несколько лет людей больше, чем прежде, — это проблемы материальные, безработица, преступность, а также мир кино, дающего возможность отрешиться от забот. Ко всему остальному — к политике, истории, сфере науки и техники, к музыке, культуре других народов и эпох — интерес либо падает, либо не растет, оставаясь на прежнем и без того не слишком высоком уровне. Повышенный, "запойный" интерес к кино, прежде всего к российским сериалам, различного рода ток-шоу (причем прежде всего житейским, скандальным, "реальным") и к бесконечным играм на деньги становится более понятным в контексте описанной нами проблематики. Стремление уйти от реальности, гнетущей, требующей усилий, враждебной и сложной, в фиктивный, срежиссированный мир сродни подростковому поведению в сфере культуры. Однако если для подростка такое выстраивание вымышленных миров, создающих защитный слой для еще неокрепшего и хрупкого "я", является частью социализации, фазовым этапом, то для многих, так и не сумевших повзрослеть сегодняшних взрослых это бегство от реальности и прежде всего — от реальности собственной жизни.

ТЕМА ДНЯ:

В КАКОЙ МЕРЕ ВАС БЕСПОКОИТ ТО, ЧТО ВЫ ИЛИ ЧЛЕНЫ ВАШЕЙ СЕМЬИ МОЖЕТЕ СТАТЬ ЖЕРТВОЙ ТЕРРОРИСТОВ? (опрос населения США, N=1000 человек)

Месяц, год	В какой мере вас беспокоит то, что вы или члены вашей семьи можете стать жертвой террористов?			
	Очень беспокоит	В некоторой степени беспокоит	Не очень беспокоит	Совсем не беспокоит
Январь 2003 г.	8	31	36	25
Сентябрь 2002 г.	8	30	37	25
Май 2002 г.	9	31	37	22
Апрель 2002 г.	8	27	39	25
Март 2002 г.	12	33	32	23
Февраль 2002 г.	8	27	39	25
Ноябрь 2001 г.	8	27	34	30

Источник: CNN/USA Today-Gallup Poll. 2003. Jan. 23–25.

"Норд-Ост" стал для Вас символом победы над терроризмом или символом поражения в борьбе с терроризмом?

Вариант ответа	%
Символом победы	31
Символом поражения	35
Затрудняюсь ответить	34

¹ Январь 2003 г., N=1600 человек.